

**Основные тенденции и задачи искусства
в работе Р. Вагнера «Искусство и революция»
The main tendencies and problems of art in R. Wagner's work «Art and revolution»
Федотова Н. А.**

*Федотова Нина Александровна / Fedotova Nina Aleksandrovna – преподаватель,
Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования «Оганерская детская школа искусств»,
г. Норильск*

Аннотация: в статье отражено обоснование идеи «идеальности», превосходства греческого искусства. Р. Вагнер видит искусство как результат взаимодействия эстетических категорий: Сила, Любовь, Красота. Конкретный государственный механизм, с помощью которого искусство должно служить только обществу.

Abstract: justification of idea of «ideality», superiority of the Greek art. R. Wagner sees art as result of interaction of esthetic categories: Power, Love, Beauty. Concrete state mechanism by means of which art has to serve only society.

Ключевые слова: Вагнер, искусство, революция, драма, греческое искусство, современное искусство, художник.

Keywords: Wagner, art, revolution, Greek art, drama, modern art, artist.

Р. Вагнер поддерживал революцию и участвовал в 1849 г. в Дрезденском майском восстании, после чего ему пришлось бежать в Швейцарию. В начале статьи Р. Вагнер замечает очевидное: художники терпят в периоды революций (кризисов) человеческие неудобства, не имеют возможности вести «беззаботную и полную довольства» жизнь. Но художник не имеет право изображать своё личное несчастье как несчастье, постигшее искусство, и обвинять революцию. Революция служит обновлению искусства [3, 107].

По Р. Вагнеру, «истинное искусство есть высшая свобода... оно несовместимо ни с какой властью, ни с каким авторитетом» [3, 112]. Искусство – это «радость быть самим собой, жить и ощущать себя членом общества» [3, 113]. Только свободный человек может «в состоянии радостного упоения бытием» создавать искусство. Материалом для произведения искусства служит осязаемый физический мир, раскрывающийся органам чувства человека [3, 114].

Р. Вагнер видит пример свободного искусства в Древней Греции. Только здесь было настоящее искусство, которое стало началом эволюции европейского искусства. Идеал для Вагнера – греческая трагедия как «общественное искусство» свободных греков [3, 122].

Р. Вагнер обосновывает идею об «идеальности», превосходстве греческого искусства следующим:

- в основе греческого искусства лежит «культ прекрасного и сильного свободного человека», лучшее выражение которого видится Р. Вагнеру в Аполлоне [3, с. 108];
- у этого искусства была возвышенная поэтическая цель – драма;
- это искусство объединяло всех граждан, оно было общественным (народным) по своему происхождению.

Р. Вагнер пишет: «Все граждане должны были собраться как вокруг общего очага, чтобы создать высочайшее произведение искусства, какое только можно себе представить – драму» [3, 109].

- греческое искусство гармонично, поскольку проявляется в виде «вечного ритма, вечной гармонии всякого движения, всего существующего» [3, 109]. Оно «жило и трепетало и в душе зрителя» [3, 109], было неотрывно от «жизненного процесса»;

- это искусство было органично «спаяно» с жизнью греческого общества. «Дни представления трагедии были празднествами в честь божества, ибо бог здесь ясно, определенно выражал свою волю» [3, 109]; «народ бросал государственные собрания, суд, поля, корабли, ристалища и приходил из самых отдаленных мест, чтобы заполнить тридцать тысяч мест амфитеатра, где представилась самая глубокая из всех трагедий – «Прометей» [3, 110];

- художник (поэт) был частью и своего народа, и «жрецом искусства». Он «сливался со своим произведением, управлял танцем, присоединял свой голос к хору и в звучных строфах воспевал премудрость божественного разума» [3, 109];

- искусство имело ясную миссию – благодаря искусству народ постигал сам себя, уяснял себе свою собственную деятельность, сливался с «коллективной душой», на время забывая об индивидуализме [3, 110].

«В трагедии грек находил самого себя, самую благородную сторону своего «я», слившуюся с благороднейшими сторонами коллективной души всей нации» [3, 110].

Распад искусства Р. Вагнер связывает с «появлением тысячи эгоистических стремлений взамен единого духа коллективизма» [3, 111] и последующим распадом трагедии. Замечательные моменты

искусства с этого времени были лишь «криком боли или радости отдельного индивида, вырвавшимся из всеобщего хаоса» [3, 112]. Искусство больше не было свободным выражением свободного общества, оно лишь служило фантазиям, способствующим угнетению человека.

Искусство теряет своё значение выразителя единого общественного сознания: драма распалась на составные части – риторику, скульптуру, живопись, музыку. Они перестали «действовать в унисон» [3, 128]. Всякая сепарация (разделение) элементов по разным специальным направлениям – пагубна для искусства [3, 128].

Цели власти – антихудожественные. Грубые завоеватели мира находили развлечение лишь в «самой грубой позитивной реальности и могли насытить своё воображение лишь самым низменным образом» [3, 112].

С возрастом оторванности отдельного человека от общества и от природы образуется пропасть между реальной жизнью и мечтой, между грубым насилием в повседневной жизни и идеальным воспроизведением этой жизни в представлении. Истинная жизнь была представлена как грязная и порочная, её изгоняли из искусства [3, 116].

В современную Р. Вагнеру эпоху искусство «продалось душой и телом» наиболее худшему хозяину – Индустрии [3, 117]. Р. Вагнер негативно пишет о социокультурной стороне жизни, о боге современного мира (его он называет «богом пяти процентов», т. е. связывает с банковским процентом). Воплощение этого бога – «банкир-ханжа». Искусство, служащее в Древней Греции Аполлону, в XIX веке послушно служит Меркурию (богу торговли).

Правительство видит в искусстве, во-первых, промышленное заведение; во-вторых, средство для отвлечения умов и поглощения общественной энергии [3, 122].

Р. Вагнер пишет о «парализующем давлении цивилизации, совершенно отрицающей человека» [3, 130].

Единственное стремление художников, даже даровитых и прославленных – удовлетворить вкус ограниченных зрителей [3, 120]. Ещё одна слабость современных художников – слава в общественном мнении. «Он лжёт себе и публике, преподнося ей своё несвязное произведение, а публика надувает себя и его, награждая его своими аплодисментами; но это взаимная ложь [3, 121].

Р. Вагнер считает по отношению к современному искусству, что «его истинная сущность – индустрия, его эстетический предлог – развлечение для скучающих» [3, 118]. В связи с этим, оно стремится обосноваться в театре – наиболее зрелищном искусстве.

Но «расцвет» и большую популярность современного театрального искусства Р. Вагнер называет «фальшивым». Это «пустоцвет гнилого общественного строя, пустого, бездушного и противоестественного» [3, 118]. Современные представления не являются истинной драмой. Театр ныне – лишь место для представления «продуктов... искусственной деятельности» [3, 119].

Слабость современного театра ещё и в том, что он не в состоянии объединить в подлинной драме все роды искусства. Подразделение на драму и оперу ослабляет искусство: «у драмы отнимается идеализирующая, обобщающая выразительность музыки, а опере в корне отказывают в сущности и великом значении истинной драмы» [3, 119].

Р. Вагнер видит огромную разницу между творчеством свободного человека и «поделками» раба. Первое он относит к искусству, второе – лишь к ремеслу. Современные «рабы» искусства «выдрессированы» для развлечения, тщеславны, желают быстрой и обильной наживы. Поэтому, если искусство свободных греков было «действительно искусством, наше же является лишь художественным ремеслом» [3, 123].

Художник находит удовольствие уже в самом процессе творческого труда. Ремесленника интересует лишь цель трудов – заработок, сама же деятельность тяготит его. Это «судьба раба индустрии», который работает без любви, без радости и даже почти без цели [3, 124].

Имеет такое рабство и социальные корни, но Р. Вагнер лишь слегка касается этой темы, лишь говорит, что раб живет «на уровне голого прожиточного минимума» [3, 125].

Искусство по Р. Вагнеру, всегда едино, целостно и прекрасно. Но если в Греции оно жило в общественном сознании, то теперь существует лишь в сознании отдельных индивидов. Поэтому искусство греков было «консервативно» (т. е. традиционно), а современное настоящее искусство – революционно, поскольку может существовать лишь в оппозиции общему уровню [3, 127].

Относительно Революции Р. Вагнер уточняет: «Великая Революция всего человечества» может вернуть общественный дух единства, сплочённости общества. Это будет искусство, воплощающее не только дух одной нации (как в случае древних греков), но дух «всего свободного человечества вне всяких национальных границ» [3, 129].

Искусство и Революция тесно взаимосвязаны:

- задача искусства состоит в том, чтобы указать социальному движению его настоящую дорогу [3, 131];
- искусство должно помочь человеку выйти из «ремесленного состояния» и подняться на высоту «свободного человеческого достоинства» [3, 131].

Искусство может подняться на должную высоту лишь на плечах «нашего великого социального движения» [3, 131].

Поэтому у социального движения, Революции и Искусства – общая цель. «Эта цель – человек прекрасный и сильный: пусть Революция даст ему Силу, Искусство – Красоту» [3, 132].

Будущий строй, как пишет Р. Вагнер, освободит людей от отрицания природы; от взгляда на себя как на орудие для достижения цели, лежащей вне его самого. Люди осознают себя братьями, взвалит рабский труд на машину. Стремление к активности проявится лишь в виде художественной деятельности. Так люди вновь обретут «жизненное начало греков, но в гораздо более высокой степени» [3, 133].

Предлагает Р. Вагнер и конкретный государственный механизм, с помощью которого искусство станет служить только обществу. Это, говоря современными словами, субсидирование, содержание театров за государственный и местный счет. «Государство и городское самоуправление сочли бы своей первой обязанностью предоставить возможность театру отдаться лишь своему высокому и истинному назначению. Эта цель может быть достигнута, если театру будут даны достаточные средства, чтоб его дирекция могла быть чисто художественной...» [3, 139]. Публика же должна получать бесплатный доступ на театральные представления [3, 139].

Р. Вагнер видит искусство как результат взаимодействия эстетических категорий: Сила, Любовь, Красота. «Только сильные люди знают любовь, только любовь позволяет ощутить красоту, только красота создает искусство» [3, 133]. Подлинное искусство растет снизу вверх, «подобно дереву, корнями своими уходящему в землю и вздымающему свой лиственный купол ввысь, из глубин человеческой природы в необъятные просторы «чистой человечности» [3, 137].

Таким образом, тенденции развития искусства – от состояния цельности (древнегреческая трагедия) – к дифференциации и ослаблению – и далее опять к цельности (возрождение драмы). Революция является средством обновления искусства, возвращения искусству социальной миссии объединения людей. У Революции и Искусства общая цель – прекрасный, сильный, свободный человек. Искусство указывает социальному движению его настоящую дорогу, воспитывает нового человека.

Литература

1. *Лосев А. Ф.* Проблема Рихарда Вагнера в прошлом и настоящем // Вопросы эстетики. Вып. 8. – М., 1968. – С. 67-196.
2. *Рихард В.* Искусство и революция / Пер. с нем. // Избр. работы / Сост. и коммент. И. А. Барсовой и С. А. Ошерова; вступ. ст. А. Ф. Лосева. – М.: Искусство, 1978. – С. 107-141.